

Анна Шилд
Ада Огнева

БОСС

моей судьбы

18+

Ада Огнева

Босс моей судьбы

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Босс моей судьбы / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Вера Соколова привыкла выдерживать ледяной контроль Артёма Волкова. Но когда враги босса пытаются похитить её на подземной парковке, привычные правила перестают работать. Спасение оборачивается жизнью под охраной в горном поместье. Уехать нельзя. Спорить с Волковым бесполезно. Перестать замечать его — невозможно. Вера ещё вчера мечтала оказаться подальше от этого мужчины, а сегодня вынуждена доверить ему собственную жизнь. Только за роскошными стенами тоже умеют предавать. И прежде чем сделать шаг навстречу боссу, ей придётся понять, кого он на самом деле защищает.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Босс моей судьбы

Босс моей судьбы

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Створки служебного лифта разошлись с сухим щелчком, и в лицо ударил сквозняк подземного бункера — сырой, промозглый, густо пахнувший выхлопными газами, холодным машинным маслом и бетоном.

Вера шагнула на наливной серый пол минус второго уровня паркинга башни «Волков Групп». Каблуки отозвались гулким эхом, потонувшим в монотонном рокоте вытяжных вентиляторов под сводами.

Двадцать восьмого октября время перевалило за половину девятого вечера. Четырнадцать часов непрерывной мясорубки в приемной на сорок втором этаже выжали ее досуха: бесконечные звонки от кредиторов, юристы, шелест договоров по припортовому терминалу и тяжелый, парализующий взгляд хозяина кабинета. Последние две недели Артем Волков напоминал взведенную мину. Он не повышал голоса, но в его низком баритоне звенела такая глухая ярость, что секретари из референтской группы бледнели при одном звуке его шагов.

Вера плотнее запахла кашемировое пальто, перехватив тяжелую кожаную сумку с рабочим ноутбуком. Хотелось только одного: сесть за руль своего синего «Фольксвагена», добраться до съемной квартиры на Профсоюзной, смыть горячим душем этот день и позвонить маме. Марина Сергеевна должна была вернуться из университета на свою подмосковную дачу еще в семь, и Вера обещала не задерживаться.

На паркинге царил непривычный сумрак. Длинные светодиодные трубки через одну были погашены, бросая косые полосы желтоватого света на пустые карманы и круглые колонны с предупреждающей разметкой. Представительские седаны уже разъехались; бункер казался вымершим.

Ее «Поло» стоял в дальнем секторе В, у стены между опорами сорок два и сорок четыре.

Вера нажала кнопку брелока. Машина отозвалась в полутьме коротким двойным писком, оранжевые сигналы поворотов мигнули, выхватив из темноты пыльный бампер соседнего фургона без номеров. Он стоял неровно, перекрывая половину проезда. Утром его здесь точно не было.

В следующую секунду из глубокой тени за металлической тушей фургона неслышно шагнули трое.

Они двигались слаженно, как стая волков, загоняющая косулю в тупик. Одинаковые темные куртки, вязаные шапки, надвинутые до самых бровей, грубые ботинки на толстой подошве. Тот, что шел в центре — рослый, жилистый, со старым переломом носа — вышел под уцелевший фонарь, перекрывая путь к водительской двери седана. Двое других мгновенно разошлись в стороны, заходя за спину и отрезая дорогу назад к лифтовому холлу.

— Вера Николаевна Соколова? — голос главаря звучал сипло, с неприятной прибалтненной хрипотцой. Его цепкие водянистые глаза ощупывали ее фигуру с холодным расчетом мясника. — Добрый вечер, красавица. Не надо дергаться и кричать. Наш шеф, Вадим свет-Эдуардович Сабуров, очень просил пригласить тебя на небольшую беседу за чашкой хорошего чая.

Внутри у Веры все оборвалось, провалившись в ледяную пустоту. Имя Сабурова обожгло слух: именно этот криминальный авторитет уже третий месяц пытался отжать у Волкова портные склады, и именно его имя звучало в закрытых телефонных перепалках шефа.

Они пришли не грабить. Они пришли за ней — чтобы добраться до Волкова.

Сердце заколотилось в гортани паническими ударами, но страх продержался не больше секунды. Его сменила глухая ярость — та самая, из-за которой она шесть месяцев не прогибалась под железную волю самого Артема Волкова.

Вера отступила назад, пока лопатки не уперлись в шершавый бетон сорок третьей колонны. Пальцы левой руки мгновенно просунули зубчатые лезвия автомобильных ключей между суставами пальцев, сжав кулак до побелевших костяшек. Импровизированный кастет впился в ладонь, отрезвляя острой болью.

— Отойдите назад. — Вера подняла связку ключей выше, заставляя главаря посмотреть на острия. — Охрана комплекса уже зафиксировала ваше появление. На этом этаже шесть камер с прямым выводом на пульт быстрого реагирования. Через сорок секунд вас положат мордами в пол.

Главарь осклабился, показав прокуренные желтые резцы. Он неторопливо вытащил из кармана тяжелый армейский электрошокер в прорезиненном корпусе:

— Сказки для первокурсниц, птичка. Твоя охрана на КПП уже отдыхает с пробитыми башками, а камеры в секторе В ослепли еще в восемь вечера. Сейчас получишь маленький укольчик в бедро, полежишь в фургоне, пока едем. Начнешь визжать — переломаем ребра. Парни, пакуйте ее.

Амбал справа сделал резкий выпад вперед, протягивая лапы в кожаных перчатках к воротнику Веры.

Вера перехватила ремень сумки покороче. Пусть подойдет еще на шаг.

Когда рука бандита почти коснулась пальто, Вера с разворота корпусом вложила всю силу своего тела в удар тяжелой сумкой с ноутбуком. Кованый стальной замок и жесткое ребро портативной станции со всего маху врезались амбалу прямо в переносицу. Раздался мокрый хруст. Здоровяк взвыл, отшатнувшись назад и зажимая брызнувшую из носа кровь обеими руками.

В то же мгновение главарь с матерным рыком ринулся на нее с выставленным шокером. Вера уклонилась вправо, мазнув бедром по бетону опоры, и выбросила вперед кулак с ключами. Острое стальное жало распахало ткань куртки и вспоролло предплечье. Из разреза брызнула темная кровь.

— Ах ты тварь бешеная!.. — взревел главарь, перехватывая шокер левой рукой.

Третий нападавший уже заходил сзади, вскидывая стальную монтировку под колени. Вера судорожно вдохнула горький воздух, готовясь вцепиться ногтями в глотку бандита.

И в эту секунду весь подземный уровень содрогнулся.

Из наклонного проема пандуса ударил оглушительный, яростный рев, словно в бетонный bunker влетел реактивный штурмовик. Рев многолитрового турбированного двигателя заполнил пространство, заставляя вибрировать стекла перегородок.

Сноп ослепительно-белого ксенонового света разорвал полумрак.

На паркинг на скорости под восемьдесят километров в час вылетел исполинский черный трехтонный бронированный Cadillac Escalade. Шины с диким визгом вгрызлись в наливной пол, оставляя широкие черные полосы жженой резины. Внедорожник даже не пытался тормозить.

Тяжелый стальной кенгурятник Escalade на полном ходу врезался в борт бандитского фургона.

Удар был чудовищным. Металл с грохотом вмялся внутрь, балки кузова скрутило как фольгу, а каленые стекла взорвались миллионами крошек. Фургон Сабурова оторвало от земли, швырнуло юзом через весь проезд и впечатало в железобетонную опорную стену. Во все стороны брызнули осколки фар, пластик и комья грязи. Поднялось облако едкой серой пыли от раскрошившегося бетона.

Воздушная волна ударила Веру в грудь, заставив прижаться к колонне.

Когда скрежет металла затих, тяжелая бронированная дверь Escalade распахнулась.

Из машины вышел Артем Волков.

Он был без пальто, в одном черном костюме от Brioni. Рубашка была расстегнута на три пуговицы, открывая мощную шею с яростно пульсирующей жилой. Лицо босса словно высекли из черного гранита: челюсти сжаты до желваков, тонкий шрам у левого виска побелел, а серые глаза горели таким диким пламенем, что воздух вокруг словно заledenел.

Амбал Сабурова, сплевывая кровь из разбитого носа, выхватил из-под куртки пистолет.

Волков сократил разделявшие их пять метров за долю секунды. Тяжелый ботинок Артема с чудовищной силой врезался в запястье бандита, выбив оружие вместе с переломанными пальцами стрелка. Не давая противнику опомниться, Волков шагнул вперед, перехватил здоровяка за воротник и с короткого замаха впечатал локоть ему прямо в челюсть. Туша весом под центнер мешком рухнула на спину, выбивая глухой стон.

Главарь с воем отчаяния попытался ткнуть шокером снизу вверх, метя Волкову в пах. Артем не стал уклоняться. Его широкая ладонь молниеносно сомкнулась на предплечье бандита выше запястья. Стальные пальцы сжались с такой сокрушительной мощью, что по паркингу разнесся сухой треск крошащейся лучевой кости.

Главарь зашелся истошным визгом, роняя бесполезный шокер в лужу моторного масла. Волков, не меняясь в лице, дернул сломанную руку на себя и с размаха впечатал колено в лицо бандита. Хрустнули зубы, брызнула алая струя, и главарь рухнул ничком на бетон, моментально отключившись.

Третий боевик, выронив монтировку, в ужасе пополз на четвереньках под прикрытие дальних машин.

На паркинге воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь капающей из разбитого радиатора фургона охлаждающей жидкостью и тяжелым дыханием Артема Волкова. На сбитых костяшках его правой руки темнела свежая кровь врагов.

Медленно, неотвратимо, Волков повернул голову и посмотрел на Веру.

Его взгляд — тяжелый, обжигающий, затуманенный первобытной яростью — прошел ее насквозь.

Вера стояла, вжавшись в шершавый бетон. Пальто распахнулось, тонкая шелковая блузка судорожно вздымалась от бешеного пульса, каштановые пряди растрепались по плечам. Янтарные глаза горели несломленным светом загнанной волчицы.

— Артем... Игоревич... — выдохнула она, и губы предательски дрогнули. — Что... Что здесь происходит?..

Волков не ответил. Он преодолел разделявшее их расстояние в два огромных шага. Его присутствие накрыло ее как раскаленная лавина: жар мощного тела, аромат горького бергамота, морозной хвои, табака и свежей крови.

Прежде чем Вера успела сделать хотя бы вдох, его огромная тяжелая рука по-хозяйски сомкнулась на ее талии. Пальцы сжались на шерсти пальто, и одним слитным мощным движением Волков оторвал ее от земли, вздернув вверх так легко, словно она была тряпичной куклой.

— Эй! Пустите! — забилась Вера, ее ладони уперлись в его каменные плечи, пальцы ощутили напряженные жгуты мышц. — Я сама могу идти! С ума сошли?!

— Заткнись, Соколова, — низкий рокочущий баритон вибрировал прямо у ее уха, обжигая горячим дыханием нежную кожу виска.

Он подтащил ее к распахнутой задней двери внедорожника и просто вбросил внутрь, на широкий кожаный диван. Следом на сиденье полетела ее сумка с ноутбуком.

Сам Волков ввалился в салон мгновением позже, заполнив собой все свободное пространство, и с размаха захлопнул дверь.

Раздался тяжелый металлический лязг автоматических запоров — звук, похожий на опускание бронированной плиты в банковском хранилище.

За рулем впереди уже сидел боец его службы безопасности в черной тактической куртке.

— На базу, Беркут. Периметр перевести в режим «Шторм», — бросил Волков водителю, тяжело откинувшись на кожаную спинку.

— Принято, Артем Игоревич, — отозвался боец, впечатывая педаль газа в пол.

Шестилитровый двигатель взревел, и трехтонный броневик, взвизгнув шинами по окровавленному бетону, сорвался с места, уносясь вверх по рампе — в непроглядную тьму хлещущего за окнами ливня.

Глава 2

Тяжелый бронированный внедорожник летел по внешнему радиусу кольцевой автодороги со скоростью сто шестьдесят километров в час.

За окнами из многослойного триплекса стояла сплошная, непроницаемая стена октябрьского ливня. Потoki воды хлестали по толстому стеклу, разбиваясь о полированные борта машины, а расплывчатые габаритные огни редких попутных фур смазывались в длинные кроваво-красные полосы. Дворники метались по ветровому стеклу с глухим, частым стуком, едва рассекая водяную лавину.

В салоне Escalade царил приглушенный янтарный полумрак. Скрытая светодиодная подсветка в обшивке из темного мореного ясеня очерчивала хищные контуры сидений из стеганой перфорированной кожи. Воздух здесь был душным, тяжелым, перенасыщенным адреналином. Пахло горьким бергамотом, мокрой шерстью, стылой сосновой хвоей, терпким мужским потом и тем едким железистым духом свежей крови, который исходил от сбитых суставов Волкова.

Вера судорожно втянула воздух сквозь зубы. Оцепенение после взрыва на паркинге начало отступать, сменяясь волной горячей, колючей ярости.

Она пошевелилась на широком диване, осознавая каждую клеточку своего тела. Пальто промокло по подолу, пальцы рук все еще мелко дрожали. Но стоило взгляду упасть на стремительно тающие в темноте огни высотных кварталов, как страх выгорел без следа.

Ее увозили из города. В ночь. В никуда.

Вера подалась вправо и с силой дернула за массивную металлическую ручку двери.

Ничего не произошло. Замок отозвался лишь насмешливым щелчком: электронная блокировка намертво отсекла салон от внешнего мира с водительской консоли. Вера рванула ручку еще раз, до боли в подушечках пальцев, и резко повернулась к Волкову.

— Вы с ума сошли?! — ее голос сорвался на высокой звенящей ноте. — Что вы себе позволяете, Волков?! Немедленно прикажите водителю прижаться к обочине и открыть двери! Это похищение человека! Статья сто двадцать шестая, пункт второй Уголовного кодекса! Вы сядете на пятнадцать лет!

Артем сидел напротив нее, откинув затылок на кожаный подголовник. На полу у его ботинка темнели осколки фары, занесенные с парковки. Волков медленно расстегивал пуговицы на манжетах черной рубашки, обнажая мощные предплечья с сетью вздувшихся вен. Ворот рубашки разошелся, открывая широкую литую грудь с темнеющей полосой шрама ниже ключицы.

Он даже не повернул головы на ее крик. Лишь достал из ниши подлокотника антисептическую салфетку и принялся методично стирать подсыхающую багровую корку со сбитых костяшек правой руки.

— Закрой рот, Соколова, — произнес он глухим голосом, в котором гудел вибрирующий металл. — И сиди смирно, если не хочешь получить сотрясение на повороте.

— Я не стану молчать! — Вера подалась вперед, вцепившись пальцами в край сиденья до побелевших ногтей. — Вы не имеете права распоряжаться мной! Какое отношение я имею к вашим криминальным разборкам?! Кто эти уроды на парковке?! Почему они называли Сабурова?!

Волков смял окровавленную салфетку в тугой комок и швырнул в мусорный отсек. Затем медленно повернул к ней лицо. Его графитово-серые глаза цвета штормового неба впились в нее с такой беспощадной тяжестью, что у Веры перехватило дыхание. Тонкий шрам у левого виска побелел на смуглой щетинистой коже.

— Ты — мой личный помощник и референт первых протоколов, — отчеканил он, понизив голос до опасного рокота. — Ты ведешь график закрытых встреч, знаешь коды доступа к закрытым узлам холдинга и принимала спецпочту по припортовому логистическому узлу в Усть-Луге. Для Вадима Сабурова ты — идеальный ключ к моему горлу.

— Припортовый терминал?.. — выдохнула Вера, чувствуя, как внутри разливается холод.

— Сабурову плевать на терминал как на кусок бетона, — Артем оперся локтями о колени, сокращая расстояние между ними до полуметра. Вера ощутила исходящий от него жар раскаленной стали и терпкий одеколон с привкусом железа. — Он хочет выпотрошить мои активы, поставить меня на колени и заставить ползти к нему с повинной. А чтобы сделать меня сговорчивее, ему нужна была ты. Опоздай я на две минуты — тебя бы укололи в бедро транквилизатором, завернули в брезент и вывезли на заброшенный склад у речного порта. А в полночь Сабуров прислал бы мне видеозапись, где тебе ломают плоскогубцами пальцы по одной штуке за каждый час задержки подписания документов.

У Веры пересохло в горле. Страшные образы обожгли мозг, но гордость и нежелание выглядеть слабой вытолкнули наружу новую волну сопротивления.

— Если все так серьезно, отвезите меня в Главное следственное управление! В полицию! Включите государственную защиту свидетелей! Вы не имеете права везти меня черт знает куда!

Волков издал короткий смешок, лишенный веселья:

— Государственная защита? Половина генералов в главке сидит на зарплате у Сабурова через его подставные игорные фонды. Твой рапорт лег бы на его стол через двадцать минут. До утра ты в камере не дожидая бы — нашли бы с передозировкой или удушенной на простыне. Единственная защита для тебя в этом городе, Соколова — моя служба безопасности. И моя личная воля.

— Вы лжете! — выкрикнула Вера, чувствуя, как от бессилия подступают жгучие слезы. — Вы просто параноик, который возмнил себя богом!

Она лихорадочно распахнула замок сумки и выхватила смартфон:

— Я сейчас же позвоню в службу спасения. И маме. Она ждет моего звонка к девяти!

Экран вспыхнул, высветив пропущенные вызовы от «Мама». Но коснуться иконки вызова Вера не успела.

Волков метнулся через салон подобно броску барса. Огромная тяжелая ладонь накрыла ее кисть. Пальцы сжались на тонком запястье с такой мощью, что кости заныли, а пальцы против воли разжались, выронив телефон.

— Ай! Отпустите! Больно! — вскрикнула она.

Но рука Волкова была монолитом. Второй рукой Артем легко перехватил падающий аппарат. Его лицо оказалось в десятке сантиметров от ее лица — Вера видела каждую черточку, хищный прищур глаз и пульсирующую вену на шее.

— Никаких звонков, — прохрипел он, обжигая ее губы дыханием. — У Сабурова работает комплекс перехвата сотовой связи. Один исходящий пакет — и на нас выведут группу ликвидации еще до выезда на Новую Ригу.

Он прижал телефон экраном к массивной стальной пряжке своего ремня и с чудовищной силой надавил большим пальцем на панель.

Раздался сухой, резкий хруст. Стекло лопнуло сеткой трещин, дисплей дернулся полосами и навсегда погас. Волков небрежным щелчком отшвырнул разбитый кусок пластика под ноги.

Этот звук сорвал последние тормоза. Ее лишили связи с мамой, растоптали независимость, заперли в броневику как вещь.

— Ублюдок! — закричала она во весь голос. — Ненавижу тебя! Слышишь?! Ненавижу!

Свободной рукой Вера схватила свою тяжелую сумку за короткую ручку и изо всех сил замахнулась, целясь металлическим уголком ему прямо в висок.

Волков даже не моргнул. Его рука взметнулась в блоке, перехватывая ее предплечье и гася инерцию удара. Пальцы сжались, выкручивая сумку, и сумка с глухим стуком упала на пол.

А в следующую секунду салон качнулся. Волков издал глухой гортанный рык и навалился на нее всем своим исполинским корпусом.

Вера ахнула, когда ее спину и лопатки с силой впечатало в мягкую кожу дивана. Девяносто пять килограммов литых мышц обрушились сверху, намертво лишая возможности шевельнуться. Его тяжелые бедра заблокировали ее ноги, широкая грудь вдавила ребра, а огромные горячие ладони развели ее руки в стороны и с непреодолимой силой вжали оба запястья в кожаные подушки сиденья по бокам от головы.

Вера оказалась распята под ним.

— Пусти... зверь!.. — задыхаясь, прохрипела она, отчаянно извиваясь.

Ее бедра бились о его бедра, грудь под тонким шелком судорожно вздымалась, терлась о его рубашку, но Волков не шелохнулся. Он прижал ее с абсолютной плотностью — она чувствовала каждый рельеф его мускулов, жар кожи и бешеный ритм сердца, отдававшийся в ее груди тяжелыми ударами молота.

Между их лицами оставалось не больше двух сантиметров.

Его дыхание — раскаленное, с привкусом горького табака, хвои и мужской злости — опаляло ее губы. Серые глаза Волкова пылали темным пламенем, сканируя расширенные зрачки и бьющуюся жилку на белой шее.

— Ты хоть понимаешь, насколько испытываешь мое терпение, Соколова? — его шепот упал до тихого, вибрирующего рокота. — Дернешься еще раз — я пристегну твои руки ремнем к подлокотнику. Сабуров объявил войну на уничтожение. И живой ты останешься только рядом со мной. Под моим замком.

Веру захлестнула дикая смесь ужаса и пугающего электричества. Жар его тела жег сквозь одежду, запах кружил голову, заставляя внутренности сжиматься в сладком, мучительном спазме. Но она не отвела взгляда. Ее золотисто-янтарные глаза вспыхнули несломленным огнем.

— Я лучше сдохну на том складе, — прошептала она с непримиримой ненавистью, — чем стану твоей ручной игрушкой, Волков. Слышишь? Подавишься.

На жестких губах Артема проступила темная хищная усмешка. Взгляд скользнул к ее припухшим от частого дыхания губам:

— Умирать ты не будешь, Вера. Я тебе этого не позволю. Ты будешь жить там, где я прикажу. Есть то, что я дам. И дышать ты будешь только тогда, когда я разрешу.

Он медленно ослабил хватку на ее запястьях, но еще несколько секунд удерживал ее своим весом, давая прочувствовать всю глубину своей власти, и лишь затем плавно опустился на соседнее сиденье.

Но сел вплотную, перекрывая плечом любое движение.

Вера прижала руки к груди, растирая ноющие запястья с багровыми следами его пальцев. Она отвернулась к черному стеклу, кусая губы до солоноватого привкуса крови, чтобы не разреветься от бессильной злости.

Escalade свернул с Новой Риги к подмосковному дому Волкова. Вера увидела освещенные окна и потянулась к двери, но машина объехала дом: за соснами вращались лопасти вертолета.

— Во Внуково, — бросил Артем в гарнитуру. — Борт готов?

Назаров подтвердил. Веру провели через мокрую площадку; она оглянулась на ворота, и ладонь Волкова тут же сомкнулась на ее локте. Через полчаса они пересели в служебный самолет холдинга. Мать оставалась в Подмоскowie, ее машина — на разбитом паркинге. В иллюминаторе исчезли огни Москвы.

Полет на юг занял чуть больше двух часов. На аэродроме в предгорьях Кавказа их уже ждал другой бронированный Escalade. Вера села у окна, прижав к себе сумку. Волков занял место рядом, и машина пошла к темнеющим горам.

Глава 3

Дорога неумолимо забирала вверх, петляя по узкому скалистому серпантину.

Асфальтовое полотно сузилось до двух полос, с обеих сторон стиснутых сплошной, непролазной стеной горного хвойного леса. Ветер в предгорьях крепчал: тяжелые лапы столетних сосен и пихт раскачивались под шквальными порывами, с глухим шелестом сбрасывая на капот внедорожника комья хвои и холодные капли.

Дождь незаметно перешел в мокрый, колючий снег. Белые хлопья с размаху разбивались о ветровое стекло, таяли жирными разводами под тяжелыми щетками стеклоочистителей. На приборной панели термометр показывал всего четыре градуса выше нуля.

Вера сидела, плотно прижавшись к холодной обшивке двери, и не отрываясь смотрела в темноту за окном.

Ни встречных машин. Ни придорожных заправочных станций. Ни единого жилого домика или хотя бы тусклого фонарного столба на обочине. Только черные зубчатые гребни гранитных утесов, вздымающиеся к свинцовому небу, и бездонная чернота каньона справа от дороги.

Ее взгляд скользнул к центральному дисплею мультимедийной системы на торпеде. Шкала приема сотового сигнала медленно, деление за делением, сползла вниз, а затем сменилась безнадежной серой надписью: «Поиск сети... Нет обслуживания».

Внутри у Веры похолодело. Самолет унес их больше чем на тысячу километров от Москвы; теперь они углублялись в горный лес на северных склонах Кавказа. Здесь, среди непроходимых оврагов и карстовых разломов, на десятки километров не было ни одной деревни. Даже если бы ей удалось выпрыгнуть из машины на ходу — добраться до людей пешком по ночному лесу в мокрых туфлях и легком пальто было невозможно. Лес сожрал бы ее за пару часов.

Она попала в идеальный, глухой каменный капкан.

Волков рядом молчал. Он сидел неподвижно, закинув руку на спинку сиденья позади ее плеч, словно метил территорию. Его тяжелый профиль в темноте казался высеченным из базальта: резкая линия подбородка, упрямо сжатые губы, немигающий взгляд, устремленный вперед. От него по-прежнему исходил густой, обжигающий жар, не позволявший Вере забыть ни о случившемся на парковке, ни о той дикой, пугающей близости, которой он только что подавил ее волю.

Спустя сорок минут подъема по серпантину внедорожник сбавил ход перед монументальной преградой.

Поперек каньона высился трехметровый забор из дикого рваного гранита, увенчанный массивными коваными пиками и свернутой спиралью колючей ленты. По верхнему срезу ограды тянулись инфракрасные датчики объема и турели поворотных камер с тепловизорами. В центре стояли глухие стальные ворота с родовой геральдикой: оскаленная волчья морда в обрамлении лавровых ветвей.

Справа от ворот, из массивного бетонного капонира КПП, шагнули двое бойцов в черной тактической униформе. На плечах — разгрузочные жилеты с бронепластинами, на бедрах — кобуры с автоматическими пистолетами, а на груди покачивались короткие бесшумные автоматы с глушителями.

Один из бойцов быстро обошел Escalade, проведя под днищем штангой со сканером, а второй приложил палец к электронному планшету у бокового стекла.

— Господин Волков, доброй ночи, — раздался через внешний интерком сухой голос начальника караула. — Периметр переведен в боевой режим «Шторм». Внешнее кольцо заблокировано.

Волков коротко кивнул через опущенное на пару сантиметров бронестекло:

— Открывай.

С тяжелым гулом гидравлики многотонные стальные створки разошлись внутрь, пропуская кортеж на закрытую территорию. Escalade въехал на широкую, вымощенную темным базальтом подъездную аллею, освещенную низкими гранитными фонарями.

А в конце аллеи, над самым обрывом скалы, выросло исполинское здание.

Вера невольно затаила дыхание. Перед ней возвышался настоящий средневековый замок, перенесенный в двадцать первый век и оснащенный технологиями обороны.

Первый этаж усадьбы «Берлога» был сложен из циклопических глыб черного сланца и дикого базальта, словно вырастая прямо из скального хребта. Верхние ярусы взмывали венцами из мореного сибирского кедра почти черного смолистого оттенка. Огромные скаты крыши, крытые сланцевой черепицей, нависали над карнизами. С восточной стороны особняк буквально висел над бездонным черным провалом ущелья, откуда доносился непрерывный рев горной реки, разбивающейся о валуны. Отвесная гранитная стена обрывалась на сотню метров вниз.

Внедорожник плавно замер у широкого гранитного крыльца с резными колоннами.

Дверь со стороны Волкова распахнулась наружу. В свете фонарей возник высокий, крепко сбитый мужчина лет сорока пяти в темном тактическом полупальто поверх армейского свитера. Седина на висках, косой шрам через бровь и внимательные, цепкие глаза боевого офицера.

Григорий Назаров. Начальник службы безопасности холдинга.

— Артем Игоревич, с возвращением, — четко доложил Назаров, придерживая тяжелую створку двери. — На паркинге в Сити работают две наши зачистные группы. Машину боевиков утилизировали, пленных доставили на базу для допроса. Городскую полицию увели по ложному следу разборок автоугонщиков. Никаких утечек. Касательно матери Соколовой...

При этих словах внутри у Веры все перевернулось. Имя мамы ударило в виски набатом.

Забыв о боли в коленях и ноющих запястьях, она буквально выкатилась из салона на гранитные плиты крыльца. Ледяной порыв горного ветра мгновенно прошел тонкое пальто, но она даже не почувствовала холода.

— Что с моей мамой?! — сорвалась она на крик, бросаясь прямо к Назарову и хватая его за рукав. — Что вы с ней сделали?! Где Марина Сергеевна?! Отвечайте!

Назаров даже не шелохнулся. Под ее пальцами натянулась ткань его рукава; Назаров дождался, пока она отпустит его, и вопросительно посмотрел на Волкова. Артем едва заметно повел подбородком.

— Успокойтесь, Вера Николаевна. — Назаров повернул к ней экран с фотографией дачного крыльца. — Ваша мать находится на своей даче в подмосковном поселке Кратово. В девятнадцать сорок к ее участку подъезжала «Лада» без номеров. Двое разведчиков Сабурова изучали периметр. Наша группа наружного наблюдения заблокировала их на выезде из переулка и жестко предупредила о последствиях. Сейчас дом вашей матери взят в плотное кольцо тремя экипажами личной охраны господина Волкова. Установлены глушилки, периметр просматривается снайперами. По вечернему докладу, Марина Сергеевна пила чай и проверяла студенческие работы. Сейчас в доме погас свет, она легла спать. Она уверена, что на улице дежурит плановый патруль вневедомственной охраны. Она в полной безопасности, пока вы ведете себя благоразумно.

Слова начальника охраны повисли в морозном воздухе тяжелым паром. Вера медленно повернулась к Волкову. Ее золотисто-янтарные глаза полыхали бешеным огнем.

— Вы... вы держали ее под прицелом? — ее голос дрожал от ярости. — Вы использовали мою мать как заложницу?! Следили за ней все это время?! Какая же вы мразь, Волков... Вы ничем не лучше Сабурова! Такой же криминальный бандит, только в дорогом костюме!

Она замахнулась, чтобы вlepить ему звонкую пощечину прямо перед начальником охраны.

Но Волков перехватил ее руку на полпути.

Его пальцы сомкнулись на ее локте как стальные тиски. Без единого слова, с пугающим гранитным спокойствием он дернул ее на себя, впечатав тонкое тело девушки в свой каменный бок. Его рука скользнула ей за спину, намертво зафиксировав талию:

— Если бы не мои люди, Соколова, — его низкий рокошущий голос ударил ей прямо в висок, обжигая морозный воздух, — твоя мать с вечера висела бы на крюке на заброшенной скотобойне. А Сабуров диктовал бы мне условия, заставляя слушать, как ей ломают суставы. Ее жизнь сейчас держится исключительно на моей воле и моих патронах. Пока ты здесь, под моим присмотром, и ведешь себя тихо — с ее головы не упадет ни один волос. Если вздумаешь устроить побег — я сниму охрану с Кратово на пятнадцать минут. Ты меня поняла?

Вера смотрела на него снизу вверх, задыхаясь от ярости и бессилия. В его серых глазах не было сомнений — он не блефовал.

— Ненавижу... — выдохнула она, и одинокая горячая слезинка обожгла щеку на ледяном ветру.

— Переживешь, — отрезал Волков.

Не разжимая хватки, он буквально поволок ее вверх по гранитным ступеням парадного входа. Тяжелые дубовые створки распахнулись перед хозяином, впуская их в теплое нутро каменного особняка.

Тяжелые дубовые створки входных дверей захлопнулись за их спинами с глухим, вибрирующим стуком, и в тот же миг в глубине косяка сработал автоматический запор.

Многослойные стальные ригели вошли в пазы с отчетливым металлическим лязгом. Звук этот прозвучал для Веры как приговор: внешний мир, привычный, безопасный и понятный, остался по ту сторону бронированных плит.

Они оказались в исполинском двухсветном холле.

Потолки высотой в шесть метров поддерживали массивные балки из мореного карпатского дуба, пахнувшие смолой и вековой сыростью. В центре зала, занимая добрую половину дальней стены, высился циклопический каминный портал, сложенный из грубо отесанных глыб черного сланца. За витой чугунной решеткой с яростным, утробным гулом полыхали метровые березовые и сосновые поленья. Огонь бросал пляшущие багровые и золотые отсветы на широкий паркет из темной массивной доски, устланный медвежьими шкурами и тяжелыми шерстяными коврами ручной работы.

Воздух в холле был густым, сухим и горячим. Он пах смолистым сосновым дымом, трубочным вишневым табаком, старой кожей мебели и дорогим выдержанным коньяком. За огромными арочными окнами, забранными толстым триплексом, бесновался шквалистый ветер, швыряя в бронированное стекло заряды колючего снега.

Из бокового коридора неслышно появилась женщина лет шестидесяти.

Строгое шерстяное платье темно-стального цвета с безупречно белым накрахмаленным воротничком, седые волосы, уложенные в гладкий тугий узел на затылке, и абсолютно невозмутимое, породистое лицо, не выражавшее ни тени удивления. В руках она держала объемное пушистое полотенце и пару мягких войлочных туфель.

Клавдия Васильевна. Несменяемая экономка и хранительница всех загородных резиденций Артема Волкова.

— Доброй ночи, Артем Игоревич, — произнесла она негромким, вышколенным голосом, склонив голову в сдержанном поклоне. — Покои в восточном крыле протоплены, камин разведен. Вера Николаевна, позвольте ваше пальто... Вы совершенно промокли насквозь.

Экономка сделала шаг вперед, протягивая руки к плечам Веры с профессиональной мягкостью прислуги дорогих отелей.

Этот жест заботы подействовал на Веру как удар хлыста.

Она резко отшатнулась назад, прижав локти к бокам, словно ее попытались опутать липкой паутиной:

— Не прикасайтесь ко мне! — ее голос сорвался, прозвенев под высокими балками потолка с дикой, нервной резкостью. — Не смейте меня обслуживать! Я вам не госпожа и не гостя в этом доме! Я пленница, которую ваш хозяин приволок сюда силой!

Глава 4

Клавдия даже бровью не повела. Ее руки замерли в воздухе, а взгляд лишь на долю секунды скользнул к лицу босса, безмолвно запрашивая указаний.

Волков сбросил мокрый пиджак прямо на спинку широкого кожаного дивана. Его черная рубашка облепила мощный торс, темные пряди волос растрепались, а в глазах стоял холодный, расчетливый огонь.

— Оставь нас, Клавдия. — Он указал экономке на служебный коридор. — И распорядись, чтобы через час в мою спальню подали горячий ужин.

— Будет исполнено, Артем Игоревич, — экономка бесшумно поклонилась и растаяла в полумраке служебного коридора, унося с собой полотенце.

Волков неторопливо подошел к массивной барной стойке, высеченной из цельной глыбы черного карельского гранита.

Вера ждала, что он обернется на ее шаги. Волков вместо этого потянулся к графину. Он снял хрустальную пробку с тяжелого граненого графина, плеснул на два пальца янтарного двенадцатилетнего односолодового скотча в толстодонный стакан и бросил туда пару кубиков льда. Стекло сухо звякнуло. Волков сделал медленный, неторопливый глоток, смакуя торфяную горечь, а затем оперся локтями о каменную столешницу и посмотрел на Веру тяжелым, давящим взглядом.

— Телефон в этом доме ты не найдешь, Соколова, — произнес он с убийственным высокомерием человека, привыкшего единолично вершить чужие судьбы. — Здесь нет ни проводных линий, ни открытого спутникового канала. Вся входящая и исходящая связь идет по закрытому оптоволоконному кабелю через армейский шифратор с прямым выходом на мой командный узел. Твой мир на ближайшие недели сузился до периметра этого дома и трехсот

метров парка до внутренней ограды. Советую усвоить это сразу, чтобы не расходовать силы на бесполезные истерики.

Слово «истерики» упало в раскаленное сознание Веры как капля бензина в костер.

Вся ярость, весь ужас последних пяти часов, унижение на парковке, разбитый смартфон, ледяной ужас за мать и собственное физическое бессилие перед этим исполином взорвались в ней единым ослепительным пламенем.

— Истерики?! — закричала она, делая шаг к центру зала.

Ее кашемировое пальто распахнулось, золотисто-янтарные глаза метали молнии, щеки полыхали лихорадочным румянцем.

— Вы заперли меня здесь, как собаку на цепи! Вы сломали мою жизнь, раздавили мой телефон, держите мою мать под прицелом наемников и смеете учить меня покорности?! Вы думаете, если у вас на счетах миллиарды долларов, а в охране стоят головорезы с автоматами, вы купили право распоряжаться моей душой?!

Она подошла еще ближе, задыхаясь от клокочущей в горле ненависти:

— Да вы просто трус, Волков! Обычный, жалкий, перепуганный параноик! Вы боитесь Сабурова до колик в животе, вы прячетесь в этой каменной норе среди волков и скал, прикрываясь женщинами и чужими стариками! Вы думаете, что посадили меня в золотую клетку, и я стану смотреть вам в рот?! Да я презираю вас! Презираю каждую секунду, что нахожусь рядом!

Ее пальцы судорожно вцепились в ремень кожаной сумки на плече.

В этой сумке лежала вся ее прежняя жизнь: ключи от уютной съемной квартиры на Профсоюзной, студенческий читательский билет, электронный пропуск в башню Сити, банковские карты, на которые приходила зарплата, записная книжка со стихами и рецептами пирогов, которые пекла мама. Все то, что делало ее Верой Соколовой — свободной, независимой, живой девушкой.

Широким, отчаянным замахом, вложив в этот бросок весь свой несломленный гнев, Вера сорвала сумку с плеча и швырнула ее прямо в раскрытую пасть пылающего камина.

Тяжелая кожаная торба с глухим ударом врезалась в раскаленные березовые поленья.

Кожа мгновенно зашипела, съеживаясь от адского жара. В воздух взметнулся сноп ослепительных оранжевых искр. Спустя секунду сухое пламя с яростным треском охватило плотную ткань подкладки, блокноты и пластиковые карты. Документы вспыхнули ярким факелом, рассыпаясь черным, невесомым пеплом, который тут же утягивало в жерло дымохода.

Она сожгла свои мосты. Сама. На его глазах.

Волков замер.

Его стакан с виски с сухим, резким стуком опустился на гранитную столешницу. Несколько янтарных капель выплеснулись на черный камень.

На его лице не дрогнул ни один мускул, но в глазах цвета грозовой тучи вспыхнуло такое первобытное, нечеловеческое бешенство, от которого застыла бы кровь у любого матерого бойца.

Он оторвался от стойки бара и двинулся на нее.

Он обогнул кресло, отрезая ей путь к дверям. Вера попятилась к лестнице — там еще оставался проход.

Вера инстинктивно попыталась отступить назад, метнуться в сторону широкой дубовой лестницы, но не успела сделать и двух шагов.

Волков настиг ее мгновенно.

Его тяжелая правая рука с размаха врезалась ладонью в массивную колонну из мореного дуба прямо над ее плечом. Удар был такой силы, что столетнее дерево глухо загудело, а струя воздуха хлестнула Веру по щеке, отрезая путь к бегству.

А вторая рука — огромная, горячая как раскаленный свинец, со ссадинами на костяшках — властно и беспощадно легла ей на лицо.

Его большой и указательный пальцы железными клещами сомкнулись на ее подбородке и челюстных костях. Сжав их с контролируемой, но сокрушительной силой, Волков резко вздернул ее лицо вверх, заставляя смотреть прямо в свои горящие серой сталью глаза.

Расстояние между ними исчезло.

Вера оказалась вжата лопатками в шершавый ствол колонны. Она чувствовала каждую линию его колоссального тела: мощные бедра, каменный пресс, жар широкой груди, придавившей ее дыхание. От него веяло ароматом морозной сосны, крепкого скотча, оружейной стали и чистой мужской ярости.

— Ты можешь сжечь хоть весь этот дом дотла, Соколова, — его голос был низким, хриплым, вибрирующим на частоте первобытной угрозы. Каждое слово впечатывалось в ее сознание, как раскаленное тавро. — Ты можешь рвать зубами обивку, бить посуду и проклинать меня до кровавой пены. Но пока идет эта война — ты будешь дышать там, где я скажу. Есть то, что я прикажу приготовить. Спать напротив моей спальни. И смотреть мне в глаза, когда я с тобой говорю.

Он сжал ее челюсть чуть сильнее, заставляя приоткрыть губы:

— Я не отдам тебя Сабурову. Ни живой, ни мертвой. Даже если ради этого мне придется сломать твою хваленую гордость о свое колено.

Его большой палец медленно, с тяжелым, шершавым нажимом провел по ее нижней губе.

Кожа его пальца была огрубевшей, горячей и пахла порохом и горьким бергамотом. От этого властного, собственнического прикосновения по позвоночнику Веры ударил электрический разряд такой чудовищной силы, что у нее подкосились колени. Ее губы мелко задрожали, дыхание сбилось в прерывистый, судорожный всхлип.

Она ненавидела его каждой частицей своей души. Но ее тело предательски, вопреки разуму, отзывалось на этот дикий магнетизм, плаваясь в опасном, дурманящем жаре его близости.

Волков зафиксировал эту дрожь. В глубине его серых зрачков вспыхнуло темное, победное торжество.

Он резко разжал пальцы и отступил на полшага назад, тяжело переводя дух, словно усилием воли загонял разбуженного зверя обратно на цепь.

— Наверх. Живо, — хрипло бросил он, кивнув на лестницу.

Волков взял кочергу, вытащил горящую сумку с ноутбуком на каменную плиту и придавил каминным экраном. По холлу потянуло едким дымом. Вера стояла, прижимая ладонь к горящему подбородку, на котором остались красные следы его пальцев. Горло перехватило, но она нашла в себе силы не опустить глаз. Под его тяжелым, конвоирующим взглядом она медленно поднялась по ступеням на широкую галерею второго этажа.

Волков следовал за ней шаг в шаг, как тень палача.

В хозяйском крыле царила тишина. Длинный коридор с полом из полированного сланца освещался тусклыми бра. Напротив друг друга располагались две массивные дубовые двери с коваными накладками.

Артем толкнул правую створку, открывая вид на просторные покои.

Огромная кровать под покрывалом из темного сукна, камин из белого камня, мебель из массива ясеня и гигантское панорамное окно от пола до потолка, за которым чернела бездна ущелья.

— Твоя комната, — отчеканил Волков, замер на пороге, заполнив собой весь дверной проем. — Санузел и гардеробная внутри. Утром Клавдия принесет одежду. И даже не пытайся разбить стекло в окне: там бронированный триплекс пятого класса защиты, выдерживает выстрелы из автомата. Спокойной ночи, Вера.

Он шагнул назад и с тяжелым стуком захлопнул дубовую дверь прямо перед ее носом.

В следующую секунду снаружи раздался протяжный, тяжелый скрежет кованого железа: массивный наружный засов со стуком вошел в стальную скобу, запирая ее в четырех стенах.

Вера замерла. Затем бросилась вперед, навалилась всем телом на дверь и заколотила в нее кулаками:

— Открой! Слышишь, Волков?! Немедленно открой эту чертову дверь! Ты не имеешь права!

Дубовое полотно толщиной в пять сантиметров даже не шелохнулось. Ни звука в ответ. Лишь мертвая, насмешливая тишина глухого дома.

Обессилев, Вера опустила руки. Сползла спиной по холодному дереву, обхватив колени дрожащими пальцами.

Затем медленно поднялась и подошла к панорамному окну.

Внизу, в сотне метров под утесом, ревела в каменных тисках черная ледяная вода горной реки. Мощные галогеновые прожекторы с мачт периметра разрезали снежную метель ослепительно-белыми лучами, выхватывая узкие скалистые тропы. По карнизу вдоль каменного забора мерно вышагивали двое бойцов службы безопасности в белых масках, ведя на коротких поводках огромных, оскаленных овчарок.

Она была отрезана от мира. Заперта в логове хищника.

И в этот момент за тяжелой дубовой дверью спальни раздалась медленная, тяжелая шаги. Они приблизились к самому порогу и замерли.

Артем Волков стоял там, в коридоре, прямо за кованым засовом, слушая через пятисантиметровый массив дуба ее прерывистое, отчаянное дыхание.

Глава 5

Холодный рассвет медленно вползал в панорамные окна спальни, сдирая сизые ночные тени. На высоте горного ущелья утро не знало привычных звуков просыпающегося города: ни глухого гула столичных проспектов, ни автомобильных гудков, ни чужих торопливых шагов. За толстым бронированным стеклом триплекса стояла густая тишина, сквозь которую едва слышно пробивался лишь далекий низкий рокот реки, бившейся о гранитные пороги в сотне метров под обрывом.

Вера открыла глаза и несколько секунд лежала совершенно неподвижно, уставившись в потолочные балки из мореного дуба.

Тело ломило глухой болью, словно накануне ее пропустили через тяжелые вальцы. Память безжалостно возвращала вчерашний кошмар: полутемный колодец подземного паркинга на минус втором этаже башни «Волков Групп», трое амбалов Сабурова в надвинутых шапках, треск разряда электрошокера, запах паленого мазута... И затем — бешеный рев шестилитрового мотора, сминающий чужой минивэн черный бронированный внедорожник и Артем Волков, вылетающий из распахнутой двери с окровавленными костяшками пальцев.

Хищник. Абсолютный, не знающий жалости зверь.

Он вырвал ее из рук бандитов не ради спасения, а ради утверждения собственного права на добычу. В ушах до сих пор звенел хруст стекла ее смартфона, который Волков с небрежной жестокостью раздавил о тяжелую металлическую пряжку ремня прямо в летящем на скорости сто шестьдесят километров в час салоне. До сих пор горела кожа на запястьях, помнивших стальную хватку его пальцев. А потом был этот дом — гранитная крепость под названием «Берлога», затерянная среди вековых сосен и отвесных скал, где единственным законом оставалась его воля.

И ее сумка, брошенная вчера в ревущее пламя камина вместе со всеми документами, ключами и остатками прошлой свободной жизни.

Вера резко откинула пуховое одеяло и села на краю огромной кровати, поджав босые ноги. На ней оставалась вчерашняя одежда: тонкая белая шелковая блузка с измятым воротником и классические темные брюки со сбитыми складками. Она не разделась перед сном, боясь даже на секунду выпустить контроль из рук. Всю ночь она вздрагивала от каждого шороха, вглядываясь в скалы за окном, где в лучах прожекторов мелькали силуэты автоматчиков с овчарками на коротких поводках. А за дверью спальни, запертой снаружи на тяжелый кованый засов, еще долго звучали размеренные, давящие шаги ее босса.

В тишине коридора раздался сухой металлический скрежет.

Засов снаружи с глухим щелчком отодвинулся. Дверь из массива дуба распахнулась, и на пороге появилась пожилая, сухопарая женщина в глухом темно-сером шерстяном платье с белоснежным стоячим воротничком. Волосы цвета мокрого пепла были стянуты в безупречный узел на затылке, а водянисто-серые глаза смотрели с ледяной вежливостью.

За ее спиной двое парней в форменных черных рубашках охраны молча вкатили две высокие хромированные стойки, увешанные вешалками в плотных чехах, и поставили на комод несколько тяжелых бархатных коробок темно-изумрудного цвета.

— Доброе утро, Вера Николаевна, — произнесла женщина сухим голосом, сложив руки на животе. — Меня зовут Клавдия Васильевна. Я старшая экономка поместья. Артем Игоревич распорядился полностью укомплектовать ваш гардероб на время загородного пребывания. Ваши вчерашние вещи пришли в негодность. Здесь собрано все необходимое.

Охранники бесшумно вышли, притворив дверь. Клавдия подошла к стойкам, расстегнула молнию на первом чехле и извлекла, придерживая чехол, чтобы вязаная ткань не зацепилась за молнию, объемный свитер крупной вязки из тончайшего бежевого кашемира. Следом на вешалке появились шерстяные брюки цвета горького шоколада, шелковые блузки пастельных оттенков и короткое пальто из стриженной альпаки.

Вера медленно поднялась с постели, не спуская с экономки пылающего взгляда янтарных глаз:

— Унесите это обратно, Клавдия Васильевна.

Экономка даже бровью не повела. Она подошла к комоду, открыла верхнюю бархатную коробку и сняла слой папиросной бумаги. На темном бархате лежали комплекты кружевного белья тончайшей итальянской работы — невесомый шелк, прозрачные вставки, изящные бретели. Рядом лежала сорочка глубокого изумрудного цвета из струящегося атласа с открытой спиной на тонких бретелях.

— Артем Игоревич не терпит задержек, — бесстрастно продолжила женщина. — Завтрак подадут ровно через двадцать минут в малой столовой на первом этаже. Вам следует одеться и спуститься к господину Волкову.

Вера подошла к комоду, протянула руку и двумя пальцами подцепила изумрудную сорочку за тонкую бретельку. Глаза пробежали по внутренней бирке: ее размер; в открытой коробке на бирке бюстгалтера значилось семьдесят пять «це». Даже здесь он угадал.

Кровь бросилась Вере в лицо, обжигая щеки стыдом и яростью.

Шесть месяцев в приемной «Волков Групп» она держала глухую оборону, застегивала строгие пиджаки на все пуговицы и говорила с ним исключительно протокольным тоном. А этот зверь, оказывается, раздевал ее взглядом при каждом докладе. Замерял, оценивал, словно породистую лошадь перед покупкой на аукционе.

— Откуда у него мои размеры белья? — глухо спросила Вера.

Клавдия опустила глаза на носки своих начищенных туфель:

— У господина Волкова идеальный глазомер на женские пропорции. Он назвал параметры лично вчера вечером, пока кортеж поднимался по перевалу. Примеряйте, Вера Николаевна. Время идет.

— Глазомер? — переспросила Вера, и ее голос сорвался на звенящий шепот. — Передайте вашему господину, что я его наемный секретарь, а не домашняя девка по вызову! Я не стану носить вещи, купленные на его грязные миллионы, и не позволю обращаться со мной как с его личной собственностью!

Вера схватила изумрудную сорочку обеими руками за боковые швы. Тонкая ткань затрещала. Вера с ожесточением рванула ее в стороны, раздирая шелк пополам до самого подола. Бретельки лопнули с сухим щелчком. Изуродованный зеленый лоскут полетел прямо на шерстяной ковер под ноги экономке.

— Убирайтесь, — процедила Вера. — Забирайте свои тряпки и убирайтесь вон!

Клавдия поджала тонкие губы. Но прежде чем она успела ответить, тишину коридора разорвали тяжелые, размеренные шаги.

Они звучали мягко, без стука каблуков, но в этой мягкости сквозила сокрушительная мощь. Дверь распахнулась без стука. На пороге возник Артем Волков.

Он был босиком. Свободные темно-серые брюки из мягкой фланели сидели низко на широких бедрах, удерживаемые затянутым шнурком. Темно-синяя сорочка из тонкого льна была небрежно расстегнута на четыре верхние пуговицы, обнажая литой разворот мощных покатых плеч и рельефные грудные мышцы с густой темной дорожкой волосков. Темные короткие волосы были еще влажными после душа, по жесткой щетине на тяжелой челюсти пробежали солнечные блики, а тонкий шрам у левого виска побелел на смуглой коже.

В правой руке он держал массивную кружку с дымящимся черным кофе.

От него веяло волной чистого мужского жара, сосновой морозной хвоей, горьким бергамотом и пряным черным перцем.

Графитово-серые глаза Волкова скользнули по лицу застывшей экономки, затем опустились на разорванную изумрудную ткань на ковре и остановились на Vere.

Взгляд был тяжелым, ощупывающим каждый сантиметр ее тела: босые ступни, стройные ноги в измятых брюках, сжатые кулаки и прерывисто вздымающуюся грудь под расстегнутым воротом старой белой рубашки.

— Свободна, Клавдия, — негромко произнес Волков. Его низкий бархатный баритон прозвучал с хриплой ленцой. — Завтрак подавай через десять минут.

Экономка молча поклонилась и бесшумной тенью выскользнула за дверь, аккуратно притворив за собой массивное полотно.

Они остались одни.

В комнате повисла тягучая тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием девушки и глухим рокотом реки за триплексом.

Волков сделал неторопливый глоток кофе, не сводя с нее немигающего прицела серых глаз. На его жестких губах мелькнула едва заметная усмешка. Он шагнул к прикроватной тумбочке, поставил чашку на край столешницы и повернулся к ней.

Два широких шага сократили разделявшее их расстояние до нуля.

Вера не отступила. Она упрямо вскинула подбородок, глядя ему прямо в переносицу.

— Много шума на рассвете, Соколова, — произнес он тихо. Его рост в сто девяносто один сантиметр и покатые плечи заслонили утренний свет, погружая девушку в его плотную, раскаленную тень. — Решила устроить показательный бунт перед прислугой?

— Я требую вернуть мои вещи, — с ледяной яростью отчеканила Вера, заставляя голос звучать твердо. — И требую прекратить этот фарс. Я ваш персональный ассистент, Волков! Вы не имеете права удерживать меня здесь силой, совать мне свое кружево и решать, во что мне одеваться!

Волков медленно протянул правую руку. Его пальцы двигались неторопливо, но в них сквозила такая неотвратимость, что Вера не успела отшатнуться.

Широкая, жесткая ладонь с мозолистыми подушечками сомкнулась на воротнике ее белой рубашки прямо под горлом. Пальцы сжали ткань в кулак и плавно потянули вверх и на себя.

Вера задохнулась от неожиданности, когда ее приподняло над полом, заставив встать на цыпочки. Ее лицо оказалось в десяти сантиметрах от его хищного, небритого лица.

Она почувствовала на губах его горячее дыхание, пахнущее горьким эспрессо и табаком. В серых зрачках Волкова полыхнуло опасное пламя.

— Права? — переспросил он глухим рокотом. — Вчера в девять вечера ты стояла перед наемниками Сабурова, Соколова. Если бы мой бампер не впечатал их минивэн в бетонную опору, сейчас тебя бы пускали по кругу на заброшенной лесопилке, а к полуночи закопали бы в канаве. Твои права закончились в тот момент, когда Сабуров открыл на тебя охоту, чтобы достать меня.

Его кулак сжался чуть плотнее, натягивая ворот так, что тонкая ткань затрещала у верхней пуговицы. Горячие костяшки его пальцев упирались точно в яремную ямку на ее шее, ощущая судорожный ритм ее пульса.

— Ты можешь рвать шелк сколько угодно, Вера. Можешь топтать его ногами. Но разгуживать в грязных лохмотьях перед моими людьми я тебе не позволю. Ты выберешь свитер и джинсы из стойки. Сама.

Он приблизил свое лицо еще на сантиметр, так что кончик носа едва не задел ее щеку:

— У тебя ровно десять минут, чтобы спуститься в столовую. Если через десять минут ты не будешь за столом — я вернусь сюда. И одену тебя сам. Каждую вещь. Своими руками. Начиная с белья.

В его взгляде не было блефа. В нем читалась абсолютная решимость мужчины, привыкшего брать все силой.

Вера втянула воздух сквозь зубы. Ее янтарные глаза полыхнули неукротимой ненавистью:

— Вы чудовище, Волков.

— Я знаю. — Он выдержал ее взгляд; ткань у горла перестала натягиваться.

Его пальцы медленно разжались, выпустив ткань рубашки. Но прежде чем опустить руку, он тыльной стороной ладони провел по линии ее челюсти, коснувшись чувствительной кожи под ухом горячим, шершавым следом.

Вера вздрогнула, словно от электрического разряда, и отшатнулась назад, едва удержав равновесие на босых ступнях.

Волков взял с тумбочки кружку, развернулся и неторопливо вышел из спальни, оставив дубовую дверь распахнутой настежь. Засов остался открытым.

Вера осталась стоять посреди комнаты. Ее сердце колотилось о ребра, пальцы судорожно сжимали край старой рубашки, а взгляд упал на ростовое зеркало в углу: растрепанная девочка с пылающими щеками, припухшими губами и темным следом мужских пальцев у самого горла.

Она перевела взгляд на стойку. На вешалке висел глухой, плотный бежевый свитер из кашемира с высоким горлом и темные плотные джинсы.

Броня. Единственная доступная ей сейчас броня.

Стиснув зубы так, что заболели скулы, Вера шагнула к вешалке.

Глава 6

Кашемир оказался мягким, плотным и неожиданно тяжелым. Высокий воротник водолазки облегал шею до самой нижней челюсти, надежно пряча след от прикосновения пальцев Волкова. Прямые темно-синие джинсы из жесткого японского денима сели точно по бедрам, не стесняя движений, но и не подчеркивая ничего лишнего. Волосы Вера собрала в тугую гладкий узел на затылке, закрепив металлической шпилькой с граненым шариком.

Она взглянула на себя в зеркало: ни грамма косметики, бледное лицо, горящие янтарным золотом глаза и глухая, застегнутая на все пуговицы броня.

Вдохнув морозный воздух, вливавшийся через вентиляционную щель, Вера толкнула тяжелую дубовую дверь и вышла в коридор второго этажа.

Особняк подавлял своим размахом. Стены из грубо отесанного серого гранита перемежались массивными балками из темного мореного дуба. По полу тянулись толстые шерстяные дорожки, скрадывавшие шаги. На стенах висели кованые светильники в виде факелов и пейзажи северных гор в тяжелых рамах. Никакой позолоты или показного гламура — это было логово зверя, спроектированное человеком, привыкшим жить в осажденной крепости и готовым в любую секунду принять бой.

Вера спустилась по широкой лестнице на первый этаж.

Аромат свежесваренного кофе, жареного сливочного масла, теплого хлеба и терпких трюфелей привел ее в малую столовую. Это был просторный двухсветный зал с высоченным потолком. В огромном камине из дикого базальта гудело пламя, потрескивали сухие березовые поленья, выбрасывая в воздух смолистый дух. Сквозь стеклянную стену открывался вид на пропасть: скалистые пики, укутанные клочьями утреннего тумана, и верхушки вековых сосен, качавшихся под порывами ветра.

Посреди зала возвышался пятиметровый стол из цельного продольного спила векового каштана. На полированной древесине стояли серебряные приборы, хрустальные стаканы и фарфоровая посуда. Под круглыми серебряными клошами исходили паром блюда, на этажерке высились свежие круассаны, в хрустальных розетках темнела отборная ежевика и лесная малина.

Во главе стола в высоком кожаном кресле сидел Артем Волков.

Он уже переоделся: темно-серая сорочка из плотного хлопка с расстегнутым воротом и закатанными до локтей рукавами обнажала мощные предплечья с вздувшимися темными венами. На правом запястье темнели тяжелые спортивные часы в титановом корпусе. Перед ним стояла чашка с эспрессо и планшет, по экрану которого непрерывно бежали графики биржевых котировок, списки закрытых транзакций и сводки аналитиков.

Волков не поднял взгляда, когда подошвы ее мокасин мягко коснулись наборного паркета.

— Две минуты запаса, Соколова, — произнес он, перелистывая страницу сводки; Вера остановилась, ожидая, когда он наконец посмотрит на нее. — Садись. Я не привык орать через весь зал.

Его рука указала на кресло по правую руку от него, где уже лежала салфетка и стоял прибор.

Вера замерла. Внутри все вскипело от его властного тона. Она демонстративно прошла мимо сервированного для нее места, обогнула пятиметровый стол и выдвинула массивный дубовый стул на самом дальнем, противоположном конце.

Стул тяжело скрипнул по паркету. Вера села, расправила свитер, скрестила руки на груди и отодвинула от себя серебряную вилку кончиками пальцев.

— Я сяду здесь, Артем Игоревич.

Волков медленно заблокировал планшет. Экран погас. Он отложил устройство на стол, откинулся на спинку кожаного кресла и впервые за завтраком посмотрел прямо на нее.

В его серых глазах заплясали багровые отблески каминного пламени. Взгляд был холодным, изучающим, скользящим по глухому вороту ее свитера и собранным в узел волосам.

— Устраиваешь детские демарши? — спросил он, и в его голосе прорезалась опасная усмешка. — Думаешь, если сядешь за пять метров, стены станут тоньше, а забор ниже?

— Я требую телефон, Волков, — отрезала Вера, глядя ему прямо в глаза. — Один звонок маме. Вы разбили мой аппарат, довели меня до того, что я сожгла сумку, заперли меня на вершине скалы. Моя мама больна. У нее гипертония и слабое сердце. Она ждала моего звонка вчера вечером. Если я не выйду на связь, она вызовет полицию, попадет в больницу с гипертоническим кризом... Дайте мне сделать один звонок. Прямо при вас, по громкой связи.

— Нет, — коротко бросил он.

Слово упало между ними, как свинцовое грузило.

— Почему?! — ее голос сорвался, пальцы до боли впились в собственные предплечья. — Чего вы боитесь?! Что я назову координаты? Я даже не знаю, в какой глуши находится эта тюрьма!

— Любой незащищенный звонок из этой зоны перехватывается сканерами Сабурова за сорок секунд, — холодно отозвался Волков. — Твой домашний телефон в Кратово уже стоит на прослушке у его технической группы. Им известен адрес матери. Незащищенный звонок выдаст еще и твое местоположение. К ее забору приедут машины с отморозками, которых не остановят участковые. Ты хочешь поговорить с матерью ценой ее жизни?

Вера побелела. Воздух застрял в легких, словно осколок льда.

— Тогда я объявляю голодовку, — выговорила она пересохшими губами, глядя на серебряные блюда. — Я не притронусь ни к еде, ни к воде в этом доме. Если вы держите меня как заложницу — получайте труп. Посмотрим, какую выгоду вы извлечете из мертвой ассистентки.

В зале слышался лишь треск березовых углей в камине да свист ветра за толстым стеклом. Волков не ответил сразу. Он медленно поднялся из-за стола.

Его фигура, заслонившая каминный огонь, казалась чудовищно массивной. Рост за метр девяносто, широченный разворот плеч, хищная пружинистая походка. Он двинулся вдоль стола — неторопливо, тяжело, с неотвратимостью сходящей лавины.

Вера невольно вжалась в спинку стула, но лица не отвернула.

Подойдя к ее стулу, Волков не стал тратить слова. Его широкие, мускулистые ладони опустились на резные дубовые выступы спинки ее кресла. Мышцы на его предплечьях вздулись узлами.

Одним мощным, слитным рывком он сорвал тяжелый дубовый стул вместе с сидящей в нем Верой с места и потащил его по паркету через всю столовую.

Вера вскрикнула, судорожно вцепившись пальцами в подлокотники. Дерево глухо заскрежетало, ножки стула прочертили полировку, и через секунду стул с глухим стуком врезался в боковину его хозяйского кресла.

Волков развернул ее сиденье к себе. Оперся бедром о край стола, нависая над ней сверху вниз, полностью перекрывая воздух и пространство. От него веяло жаром тела, горьким бергамотом, сосновой смолой и кофе.

— Голодовку, значит? — негромко прорычал он, и его баритон завибрировал в ее грудной клетке. — Решила шантажировать меня собственным телом?

Он потянулся к столу, снял серебряный колпак с ближайшего блюда. На фарфоровой тарелке лежал воздушный омлет с сыром камамбер и тонкими лепестками черного трюфеля, источавший сливочно-грибной аромат. Волков взял серебряную вилку, подцепил щедрый кусок горячего омлета, по которому тянулись нити расплавленного сыра, и поднес прямо к лицу Веры.

— Открывай рот, Вера.

— Нет, — процедила она сквозь зубы, сжимая челюсти до судороги и отворачивая лицо в сторону.

Волков хмыкнул. В его глазах мелькнуло темное бешенство пополам с холодным расчетом.

Его свободная левая рука поднялась. Широкая ладонь легла ей под подбородок, а длинные, твердые пальцы сомкнулись на челюсти. Когда Вера отвернулась, большой и указательный пальцы сильнее надавили на ямочки на ее щеках, прямо в основание суставов.

Боль была резкой. Мышцы лица рефлекторно дрогнули, и губы Веры против ее воли разомкнулись для возмущенного вдоха.

В ту же секунду серебряная вилка мягко, но настойчиво протолкнула горячий кусок омлета ей в рот.

— Жуй, — приказал Волков, не убирая стальных пальцев с ее лица. Его большой палец удерживал ее подбородок, заставляя смотреть прямо в его потемневшие глаза. — Жуй и глотай, Соколова. Ты не сдохнешь в моем доме от истощения. Я не позволю тебе сломать себя ради глупой гордости.

Теплый сыр и трюфели растаяли на языке. Желудок, пустой со вчерашнего обеда, отошел от спазма голода. Сгорая от унижения и ярости, чувствуя, как слезы бессилия обжигают веки, Вера проглотила кусок.

— Умница, — тихо произнес он, и в его голосе прозвучало что-то пугающе мягкое.

Он не отпустил ее. Его пальцы продолжали удерживать ее подбородок, приподнимая лицо к свету.

— А теперь слушай сюда внимательно, птичка. — Волков отложил вилку рядом с ее тарелкой. — Твоя мать здорова и в безопасности. Сорок минут назад начальник моей службы безопасности Григорий Назаров принял доклад от экипажа наружного наблюдения в Кра-тово. В восемь ноль-ноль Марина Сергеевна вышла на крыльцо в синем шерстяном кардигане,

занесла горшок с гортензией в дом и забрала почту. В восемь двадцать к ней зашла соседка, они пьют чай на веранде.

Вера замерла, вглядываясь в его лицо, пытаясь найти хоть тень лжи.

— Откуда... откуда вы знаете про кардиган? — прошептала она, теряя голос.

— Потому что мои люди сидят в ста метрах от ее дома на двух замаскированных постах, — жестко отчеканил Волков. — Ей передали официальное уведомление от руководства «Волков Групп»: ты направлена в срочную закрытую командировку на зарубежные терминалы. Телефон закрыт протоколом секретности на две недели. На ее пенсионный счет переведено триста тысяч рублей от твоего имени — на лекарства, обследование в кардиоцентре и продукты. Она уверена, что ты делаешь стремительную карьеру.

Дыхание Веры перехватило, в висках гулко застучала кровь. Жива. Мама спокойна, пьет чай, у нее есть деньги на кардиолога...

Облегчение накатило такой мощной волной, что у Веры закружилась голова. Но следом пришло осознание: ее мать стала идеальным заложником в его руках.

— Вы... вы монстр, — выдохнула она, чувствуя, как губы дрожат. — Вы купили ее спокойствие, чтобы держать меня на поводке.

— Я обеспечил ее безопасность, пока ты играешь в героиню, — отрезал Волков. — И если ты начнешь выкидывать фокусы, откажешься от еды или попытаешься покалечить себя — я сниму охрану с ее участка в ту же минуту. И тогда люди Сабурова покажут тебе, что такое настоящие монстры. Ты меня поняла?

Вера смотрела на него снизу вверх, сжигая его взглядом янтарных глаз, в которых стояли злые слезы:

— Я вас ненавижу.

— Это чувство помогает выжить, — усмехнулся Волков.

Его рука наконец отпустила ее челюсть, но не исчезла. Подушечка его большого пальца медленно, с невыносимой чувственностью скользнула по ее нижней губе, стирая невидимую крошку. Кожа пальца была шершавой и обжигающе горячей. Прикосновение отозвалось внизу живота Веры острой судорогой, от которой перехватило дыхание.

Волков замер на долю секунды, глядя на ее влажные губы. Его зрачки расширились, почти затопив серую радужку. Воздух между ними стал густым и горячим.

Затем он резко отстранился, разорвав контакт.

— Доедай все, что на тарелке, — бросил он, возвращаясь к своему планшету и беря со стола остывшую чашку кофе. — Через пятнадцать минут у меня закрытый совет директоров по видеосвязи с зарубежными партнерами. Можешь ходить по дому, библиотека и зимний сад в твоём распоряжении. Но за внешний контур охраны носа не высовывай. Застрелят без предупреждения.

Он развернулся и тяжелым, широким шагом вышел из столовой, оставив за собой шлейф морозной хвои, перца и мужского превосходства.

Вера осталась сидеть одна перед остывающим омлетом. Руки мелко дрожали. Она сжала пальцами край столешницы, чувствуя, как внутри закипает бешеное, упрямое пламя.

«Совет директоров по видеосвязи... Библиотека и зимний сад...»

Он думал, что сломал ее. Думал, что накормил, припугнул мать и превратил в покорную комнатную собачку.

Вера медленно взяла вилку, заставила себя проглотить еще несколько кусков остывшего омлета, запила глотком крепкого чая с лимоном и посмотрела в сторону восточной галереи, где за стеклянными дверями зеленели пальмы зимнего сада.

У нее было как минимум два часа, пока этот зверь заперт в кабинете.

Глава 7

К одиннадцати утра в особняке воцарилась глухая, напряженная тишина. За массивными дубовыми дверями хозяйского кабинета на третьем этаже глухо рокотал низкий голос Артема Волкова: там шла закрытая селекторная видеоконференция по защищенной правительственной линии. Сквозь толстые стены едва пробивались обрывки жестких фраз о терминале, перехваченных фурах и судебных исках. Охрана внутреннего контура почти полностью переместилась на внешний периметр — к скальным вышкам и тяжелым въездным воротам.

Вера стояла у резного буфета в опустевшей столовой, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Пальцы скользнули в ящик сервировочного стола, нащупав тяжелый десертный нож с прочным закругленным лезвием. Вера быстро спрятала нож за пояс джинсов, прикрыв рукоять объемной вязкой кашемирового свитера. Следом из прически легла в ладонь длинная стальная шпилька — прочная, способная послужить тонким рычагом.

Она не собиралась сидеть сложа руки и ждать, пока этот зверь решит ее участь. Если двери первого этажа заперты на электронные замки, выход нужно искать там, где охрана его не ждет.

Бесшумно ступая по коврам дорожкам, Вера проскользнула через восточную галерею и толкнула высокую застекленную дверь.

Зимний сад встретил ее влажной субтропической волной. Воздух здесь был теплым, пропитанным терпким запахом сырой земли, коры, цветущих орхидей и нагретого стекла. Грандиозная оранжерея поднималась на высоту трех этажей. Металлические фермы стеклянного купола опирались прямо на отвесный базальтовый склон горы, ставший задней стеной сада. По базальтовым уступам с глухим рокотом низвергался искусственный водопад, разбиваясь в брызги в гранитных чашах среди зарослей папоротников и фикусов.

Вера запрокинула голову, прикрыв глаза от яркого света.

Внизу все двери были заблокированы электронными панелями, а объективы поворотных камер наблюдения сканировали центральные дорожки и грот. Но на высоте шести метров от каменного пола, прямо над верхним ярусом скального грота, виднелась прямоугольная техническая фрамуга вентиляции.

Сквозь стекло было видно: прямо за фрамугой начинался пологий скальный карниз. Он уходил вправо, огибая угол ограждения, и терялся в густом массиве вековых сосен. Из-за нависавших сосновых лап этот сектор оставался слепой зоной для камер забора.

Это был единственный шанс.

Вера опустила на колени за широкими листьями монстеры и торопливо стащила мокасины. Босые ступни лучше чувствовали металл и камень, не скользили и не издавали звуков по ступеням.

Она метнулась к узкой кованой винтовой лестнице, обвивавшей ствол фикуса. Ступени из черного чугуна обожгли ступни холодом. Вера начала подъем, прижимаясь к шероховатой коре дерева и прислушиваясь к монотонному гулу воды.

Лестница вывела ее на подвесной кедровый мостик — узкий настил шириной в полметра, подвешенный на стальных тросах под самым куполом оранжереи для обслуживания форсунок полива.

Вера осторожно ступила на кедровые доски. Мостик едва заметно качнулся под ее весом.

Она бросила взгляд вниз — и дыхание перехватило. Внизу разверзалась шестиметровая пустота. Базальтовые валуны грота и бурлящие чаши водопада казались отсюда смертельно острыми. Высота давила на виски, желудок скрутило спазмом.

Стиснув зубы, Вера уцепилась левой рукой за стальной трос подвеса и двинулась вперед, балансируя на цыпочках.

Добравшись до фрамуги, она прижалась плечом к раме. Оконная створка держалась на тяжелом рычажном шпингалете. От влажности поворотный механизм покрылся ржавчиной и намертво заклинил.

Вера вытащила нож и достала шпильку. Пальцы мелко дрожали от напряжения. Она загнала острие шпильки в зазор фиксатора, пытаясь отжать заклинившую пружину, а лезвие ножа просунула под язычок запора.

Металл жалобно заскрежетал. Ржавчина осыпалась рыжей пылью на пальцы.

Вера навалилась на рычаг всем телом. Сталь врезалась в подушечку пальца, прорезав кожу до крови, нож опасно изогнулся.

Раздался сухой щелчок. Запор сорвался с места.

Тяжелая фрамуга распахнулась наружу. В душную оранжерею мощным ударом ворвался шквал студеного высокогорного ветра, пахнувший льдом, мокрой хвоей и снегом.

Вера жадно глотнула морозного воздуха. Она сунула нож и шпильку обратно за пояс. Свобода была рядом.

Она подтянулась на руках, перекинула колено через край рамы и приготовилась перенести вес тела на внешний скальный уступ. Карниз казался широким и надежным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.